ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СОВРЕМЕННИКА о 1812 годѣ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ нынѣшняго года (№№ 51—89) напечатанъ рядъ статей, въ которыхъ авторъ (нѣкто Дмитрій Завалишинъ), современникъ 1812 года, воспроизводитъ свои воспоминанія объ этомъ достопамятномъ и достославномъ годѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ г. Завалишинъ между прочимъ касается и нашей вологодской губерніи, въ которую онъ, бывшій въ 1812 году еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, отправленъ былъ своимъ отцомъ (**), вмѣстѣ съ млад-

( ) Въ прежніе годы здѣсь была школа живописцевъ; но она уже давно уничтожилась.

(**) Отецъ Завалишина, богатый тверской помѣщикъ, занималъ въ то время важную должность генералъ-инспектора въ корпусѣ путей сообщенія, главнымъ начальникомъ котораго (генералъ-директоромъ) былъ принцъ Георгій Ольденбургскій, супругъ великой княгини Екатерины Павловны, имѣвшій пребываніе въ Твери и весьма благорасположенный къ Завалишину. По близости къ принцу, отецъ Завалишина имѣлъ обширное знакомство и связи въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ; между прочимъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ графу М. С. Воронцову, посланнику нашему при великобританскомъ дворѣ. Отпуская дѣтей своихъ въ вологодскую губернію, Завалишинъ предполагалъ,

шимъ братомъ и малолѣтнею сестрою, для безопасности во время французскаго нашествія. Описывая свое путешествіе въ вологодскую губернію и пребываніе въ городахъ Вологдѣ и Устюгѣ, авторъ сообщаетъ нѣсколько весьма небезынтересныхъ для настоящаго времени свѣдѣній о тогдашнемъ положеніи здѣшняго края и его населенія. Чтобы познакомить нашихъ читателей съ этими любопытными свѣдѣніями, приводимъ подлинный разсказъ автора.

„Все, что я видѣлъ и слышалъ въ этомъ путешествіи (изъ Твери въ Вологду), обращало на себя мое вниманіе по моей любознательности изъ дѣтства, но что особенно меня поражало, такъ это то, что въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ вездѣ уже мерещились народу французы. Разъ мы остановились для стирки бѣлья въ одной деревнѣ Вологодской губерніи. Но едва только вымыли бѣлье и развѣсили его для просушки, какъ вдругъ на колокольнѣ раздался набатъ, а на улицѣ крики: „Французы! Французы!“ (*) Какъ сумасшедшій вбѣжалъ засѣдатель, который сопровождалъ насъ на этой дистанціи; схвативъ меня на руки, и приказавъ вести и другихъ дѣтей, посадилъ въ незаложенный еще экипажъ, въ который мигомъ запрягли первыхъ попавшихся подъ руку лошадей, и мы поскакали съ засѣдателемъ впередъ; а прислуга,

въ случаѣ неблагопріятнаго для русскихъ исхода войны съ Наполеономъ, отправить ихъ отсюда чрезъ Архангельскъ въ Англію, подъ покровительство графа Воронцова. Вотъ по чему дѣти Завалишина изъ Вологды препровождены были въ Устюгъ Великій, чтобы оттуда по зимнему пути двинуться къ Архангельску,

(*) Авторъ печатаемой статьи, описывая свое путешествіе въ вологодскую губернію, нигдѣ не обозначаетъ мѣсяцевъ и чиселъ дней, въ которыхъ происходило его путешествіе, равно и пребываніе въ г. г. Вологдѣ и Устюгѣ. Но изъ нѣкоторыхъ словъ описанія можно догадываться, что на прим. прибыженіе его въ Вологдѣ было въ мѣсяцѣ августѣ, когда непріятель, по взятіи Смоленска, быстро шелъ къ Москвѣ и когда испуганному народу могли мерещиться французы даже и на нашемъ сѣверѣ; пребываніе въ Вологдѣ было въ концѣ августа и въ первой половинѣ сентября, когда получено въ Вологду извѣстіе о взятіи Москвы; а путешествіе въ Устюгъ и пребываніе въ немъ—въ концѣ сентября и въ началѣ Октября до полученія въ Устюгъ извѣстія объ изгнаніи французовъ изъ Москвы. Прим. редакціи.

скомкавъ кое-какъ сырое бѣлье и побросавъ его въ повозку, а также и невымытую еще посуду и другія вещи, пустилась догонять насъ; нечего говорить, что много вещей было при этомъ позабыто, испорчено и потеряно. Само собою разумѣется, что вся суета оказалась потомъ напрасною, а причины, которая подала поводъ къ ней, мы такъ и не могли никакъ потомъ дознаться.

Дорога по Вологодской губерніи была чрезвычайно трудна и утомительна, особенно въ Грязовецкомъ уѣздѣ, но бревенчатой мостовой, но причинѣ топкой почвы; цѣлыя станціи при томъ пролегали въ болотистыхъ лѣсахъ. Наша прислуга все говорила намъ, какъ очень хорошо это помню, что когда поймаютъ Бонапарта, то слѣдуетъ въ наказаніе его „проклятаго" осудить на то, чтобы катать его безпрестанно по этой проклятой мостовой.

Вездѣ, гдѣ мы останавливались, мы всегда ходили въ церковь, если гдѣ находили ее, и гдѣ ни проѣзжали, вездѣ видѣли мы страшное отчаяніе; церкви были всегда полны народа при всякой службѣ; молились на колѣняхъ, плакали на взрыдъ. Рѣдко, гдѣ проходило, чтобы женщины не падали въ обморокъ или въ истерику. Если въ какомъ домѣ имѣлась Библія, то бѣгали туда справляться и отыскивали благопріятныя предсказанія, которыми старались ободрить и утѣшить себя. Помню очень хорошо, что въ одномъ городѣ у хозяина квартиры, въ которой мы остановились, высокаго старика, едва ли не старовѣра, зажиточнаго купца, я нашелъ Библію, заложенную въ двухъ мѣстахъ голубою бархатною лентой. „Вы, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, вѣрно этой книги и не знаете?"—Я сказалъ, что напротивъ очень хорошо знаю и что у моего отца есть точно такая же. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то съ удивленіемъ. „А по старинной печати (по славянски) читать умѣете?" Я сказалъ что умѣю, и это очевидно доставило ему удовольствіе. „Ну коли угодно посмотрѣть книгу, то извольте, да и прочтите что нибудь." Я развернулъ книгу, гдѣ была первая закладка; это было въ про-

рочествѣ Даніила; я прочелъ ему нѣсколько строкъ. „Ну это хорошо, сказалъ старикъ, вѣрно вашъ батюшка почитаетъ старину. А вотъ у насъ въ городѣ даже у духовныхъ Библіи нѣтъ; кажись только и есть что у меня одного, по наслѣдству досталась.“ Другая закладка была въ Апокалипсисѣ; обѣ закладки были вѣроятно на тѣхъ мѣстахъ, которыя, по мнѣнію хозяина, имѣли отношеніе къ совершавшимся событіямъ. Надо сказать, что и въ другихъ мѣстахъ не рѣдко вступали въ разговоры со мной: баринъ хоть маленькій, говорили, а грамотный. И такъ какъ по тѣснотѣ помѣщеній, особенно въ убогихъ деревняхъ, не рѣдко приходилось останавливаться въ одномъ помѣщеніи съ хозяевами, то волей неволей приходилось слышать разговоры и хозяевъ между собою и съ посѣтителями, иногда приходившими собственно для того, нельзя ли узнать что нибудь и отъ грамотнаго барина. Всѣ и вездѣ толковали исключительно о томъ, разумѣется, что будетъ съ Россіей, что сдѣлаетъ съ ней Бонапартъ.

Съ большимъ трудомъ дотащились мы наконецъ до Вологды, гдѣ насъ привезли прямо къ губернатору, предупрежденному заранѣе письмомъ нашего отца о нашемъ прибытіи.

Вологду мы нашли набитую уже биткомъ пріѣзжими, удалившимися изъ губерній ближайшихъ къ Москвѣ и Петербургу и изъ находившихся на пути движенія непріятеля. Достать квартиру было бы намъ едва ли уже и возможно, если бы губернаторъ не былъ заблаговременно предупрежденъ о нашемъ пріѣздѣ, и потому для насъ нанята была уже напередъ очень хорошая квартира у соборнаго діакона. Кромѣ того, что хозяева были очень почтенные люди, намъ было то удобство, что намъ близко было ходить въ соборъ, куда о. діаконъ проводилъ насъ въ боковой ходъ, а меня ставилъ всегда въ алтарѣ. Онъ очень полюбилъ меня, удивился, что я уже хорошо читалъ по славянски, началъ уже учиться по-латыни и по-гречески, и обратилъ вниманіе на то, что учитель у меня былъ изъ духовныхъ. „А мы думали, что у господъ все по-французски, да и учителя все Французы, говорилъ онъ, а

вотъ вамъ и Французы; вотъ къ чему все привело.“ У насъ была очень большая горница и отдѣльный ходъ, но кухня и столовая общая съ хозяевами. Впрочемъ этимъ ни они насъ, ни мы ихъ не стѣсняли, потому что почти постоянно обѣдали или у губернатора или у начальника округа путей сообщенія: у послѣдняго оставались обыкновенно и до поздняго вечера.

Живо помню и до сихъ поръ глубоко поражавшія меня сцены у церкви Спаса-Обыденнаго, названнаго такъ въ память того, что при какомъ-то народномъ бѣдствіи, первоначальная, деревянная церковь была построена, какъ гласитъ преданіе, въ одинъ день. Ее потомъ замѣнили каменною. Помню очень хорошо, что всегда не только самая церковь, но вся площадь предъ нею бывали сплошь набиты народомъ, и тамъ, при совершеніи ежедневно молебствія объ избавленіи отъ враговъ, видъ колѣнопреклоненнаго, оглашающаго площадь рыданіями народа, производилъ на меня потрясающее, никогда неизгладимое впечатлѣніе. Общее отчаяніе послѣ извѣстія о взятіи Москвы было тѣмъ сильнѣе, что никому уже не довѣряли: вездѣ видѣли несомнѣнныя доказательства измѣны, приводя даже слова будто бы сказанныя самимъ Бонапартомъ, что у Русскихъ стѣны (народъ) крѣпки, да столбы (вожди) слабы. Говорили, что будто бы подкупалъ онъ генераловъ, но въ тоже время и обманывалъ ихъ, потому что бочонки съ золотомъ, которымъ ихъ подкупали, только сверху у каждаго дна были засыпаны червонцами, а внутри все были мѣдныя пуговицы. Начальство дѣлало впрочемъ, что могло, чтобъ ободрить народъ и возстановить довѣріе. При малѣйшемъ благопріятномъ съ театра войны извѣстіи губернаторъ пріѣзжалъ къ молебствію въ соборъ, выходилъ на крыльцо у паперти и читалъ самъ, или приказывалъ читать кому нибудь изъ старшихъ чиновниковъ полученную реляцію.

Отдохнувъ нѣсколько дней (*) въ Вологдѣ и осмотрѣвъ

(*) Вѣроятнѣе—нѣсколько недѣль. Прим. ред.

все, что могли намъ показать въ ней, побывавъ и въ Свято-духовомъ монастырѣ въ самой Вологдѣ, и въ Спасоприлуцкомъ, въ пяти верстахъ отъ нея, мы отправились чрезъ Тотьму въ Великій Устюгъ, гдѣ и должны были дожидаться зимняго пути для дальнѣйшаго слѣдованія въ Архангельскъ, но черезъ три дня по прибытіи въ Устюгъ, курьеръ отъ нашего отца привезъ намъ приказаніе возвратиться въ Вологду, вслѣдствіе изгнанія Французовъ изъ Москвы. Радость была конечно всеобщая, но замѣчательно, что не смотря на это извѣстіе и на другія о дальнѣйшихъ успѣхахъ и побѣдахъ, толки объ измѣнѣ все-таки не прекращались, но только приняли другой видъ. Разсказывали, и вполнѣ серьозно увѣряли, что Бонапартъ былъ нѣсколько разъ изловленъ казаками, но всякій разъ генералы, которымъ сдавали этого плѣнника, отпускали его за тѣже обманные боченки съ червонцами.

Въ Великомъ Устюгѣ городничій помѣстилъ насъ у себя и несмотря на краткость нашего пребыванія въ городѣ, успѣлъ показать мнѣ наиболѣе замѣчательные и богатые монастыри и церкви и свозить меня въ дома нѣкоторыхъ именитыхъ купцовъ, желавшихъ видѣть у себя сына того человѣка, котораго такъ уважали глубоко за его дѣятельность и высокую справедливость всѣ кто имѣлъ дѣло по вѣдомству путей сообщенія. Я очень помню богатство нарядовъ у купчихъ, что можно было видѣть въ церквахъ. Особенно замѣчательны были дорогіе мѣха и необычайное обиліе жемчуга; только непріятно поражало въ каждой церкви множество такъ называемыхъ *кликушъ* или *испорченныхъ,* какъ ихъ называли. Эта истерическая болѣзнь была въ то время сильно распространена тамъ.

Возвратясь въ Вологду, мы помѣстились совсѣмъ у губернатора, такъ какъ наша прежняя квартира была уже занята другими, а безъ предварительнаго извѣщенія, чего намъ нельзя было сдѣлать, трудно было найти новую, потому что изъ спасавшихся въ Вологду отъ французовъ никто еще до зимняго пути не рѣшался выѣзжать изъ нея, зная какъ бу-

детъ трудна дорога во время распутицы, да при томъ многіе еще продолжали и прибывать въ Вологду, даже послѣ отъѣзда нашего въ Великій Устюгъ, такъ что Вологда была еще болѣе полна чѣмъ въ первый нашъ пріѣздъ.

Помню, что во время этого вторичнаго пребыванія нашего въ Вологдѣ, я увидѣлъ въ первый разъ русскія каррикатуры на Наполеона, хотя англійскія на него видѣлъ давно уже въ Твери и думаю, что онѣ-то и подали мысль составлять и русскія. Изъ англійскихъ же очень помню двѣ: Наполеонъ сидитъ предъ *блюдомъ* орѣховъ, надъ которыми надписано: *Испанскіе,* и говоритъ: „Что за проклятые орѣхи, всѣ зубы переломалъ, а раскусить не могу." Другая картина представляла Англичанина, который пьетъ чай и кладетъ въ чашку кусокъ бѣлаго сахару, высоко поднимая его, какъ бы показывая; противъ него сидитъ, прислонясь къ грудѣ свеклы, Франція, которой Наполеонъ пихаетъ въ ротъ свеклу; подписано; „Mange cher enfant! papa dit que c' est du sucre!" („Кушай, дитятко, папа говоритъ, что это сахаръ!") Изъ русскихъ каррикатуръ особенно хороша была та, на которой представленъ Наполеонъ отощалый, держась руками за животъ, и подписано французскими буквами: Ne ma Kleba! Между тѣмъ русскій мужикъ вколачиваетъ ему въ ротъ пряникъ и говоритъ: „Вотъ пряникъ вяземскій, поѣшь, не подавись!" а сбитеньщикъ поливаетъ ему на голову горячій сбитенъ и говоритъ: „вотъ съ перцемъ сбитенекъ, попей, не обожгись!"

Другая замѣчательная каррикатура представляла Наполеона въ растрепанной одеждѣ, скачущаго по грудамъ брошенныхъ пушекъ и мертвыхъ тѣлъ: кучеромъ у него Понятовскій. Изо рта Наполеона идутъ, какъ изображалось на старинныхъ лубочныхъ картинахъ, произносимыя имъ слова: „Какая ухабистая дорога!" а внизу надпись: „Бонапарте убѣгаетъ, Понятовскій погоняетъ; въ Петербургъ опоздалъ, и всѣ пушки растерялъ." Особенно же забавляла каррикатура складываемая какъ вѣеръ; на первыхъ семи складкахъ напи-

саны были слѣдующія имена: Сультъ, Талейранъ, Ариги, Даву, Ожеро, Сюшетъ, Вандомъ; эти складки складывались такъ что видны были только первыя заглавныя буквы, а на послѣдней складкѣ, которая была вся видна, написано было: „и Ней“; такимъ образомъ когда каррикатура складывалась какъ вѣеръ, выходило: „Стадо свиней.“ Каррикатуры расходились въ такомъ множествѣ, что выходили нѣсколькими изданіями и съ варіантами; такъ на иныхъ картинахъ бѣгства Наполеона вмѣсто: Бонапарте, подпись: „Корсиканецъ убѣгаетъ.“ Много было каррикатуръ и непечатныхъ, а рисованныхъ перомъ или красками. Помню одну, красками, представляющую Наполеона, держащаго убѣгающихъ отъ него Прусака за шиворотъ, а Австрійца - за край шинели, съ подписью: „Не ужели этакъ и всѣ разбѣгутся?“ Помню и другую: Наполеонъ шагаетъ черезъ рѣку Нѣманъ, границу Россіи, и хочетъ схватить Россію стоящую на своей сторонѣ, а между тѣмъ у него сыплются изъ кармана подписи: „Польша, разныя нѣмецкія государства, Голландія и проч.....

Изъ Вологды мы отправились въ Тверь ужо зимнимъ путемъ.“......